

щеніемъ толстовской идилліи, то она должна искать какого-нибудь третьяго, совершенно новаго пути будущаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна глубоко почитать своего исполнителя.

В. Г. Короленко.

Пройдутъ еще годы, десятилѣтія, вѣка... Страсти нашей исторической минуты смолкнутъ. Но даже и съ этого отдаленія на рубежѣ двухъ давно истекшихъ столѣтій еще будетъ видна величавая фигура, и символическій образъ гениальнаго художника, ходившаго за мужицкимъ плугомъ, и російскаго графа, надѣвшаго мужицкую сермягу...

Поль Маргеритъ.

Толстой—моральный свѣтъ избраннаго человѣчества, и мы поклоняемся съ глубокимъ почтеніемъ писателю, который былъ апостоломъ, и апостолу, который былъ человѣкомъ.

Германъ Баръ.

Великолѣпно въ Толстомъ, это то, что онъ выполнялъ, о чемъ проповѣдывалъ. Жизнь, въ особенности великихъ людей, я разсматриваю какъ художественное произведеніе.

И. И. Мечниковъ. Знаменитый ученый глубоко потрясенъ вѣстью о кончинѣ Л. Н.

— Хотя и можно было ожидать этой скорбной вѣсти, — сказали Мечниковъ, — все же она очень тяжела.

Теперь я могу сказать вамъ объ одномъ секретѣ, который мнѣ открылъ Л. Н., когда я былъ у него въ Ясной Полянѣ. Въ бесѣдѣ за столомъ я сказалъ, что высоко цѣню дѣятельность Л. Н., какъ художника, но не раздѣляю всѣхъ его философскихъ концепцій.

Л. Н. подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что онъ пишетъ беллетристическое произведеніе изъ эпохи революціи. Я указалъ ему на печатающуюся въ «Русской Мысли» повѣсть В. Ропшина (Савинковъ) — «Конь блѣдный». Л. Н. влекло желаніе дать нѣчто въ родѣ второй части Гётевскаго «Фауста».